

а потому его единственная забота должна состоять въ преумноженіи своего духовнаго достоянія, ибо имъ онъ обезпечиваетъ успѣшность своего дальнѣйшаго совершенствованія. Такимъ образомъ, это наикбытіе — ближайшая ступень нашего существованія, и человѣкъ можетъ и долженъ о томъ знать. При такомъ взглядѣ здѣшняя жизнь человѣка получаетъ цѣль и смыслъ; при такомъ взглядѣ можно сказать, вмѣстѣ съ графомъ Толстымъ, «что человѣкъ въ своемъ сердцѣ чувствуетъ, что любовь и добро къ ближнему есть одна истинная, свободная и вѣчная жизнь», и что «начало жизни, дающее людямъ неудовлетворенное стремленіе къ жизни и благу, не представляется обманнымъ».

Графъ Толстой правъ, когда говоритъ: «Попытки въ наше время влить въ человѣка духовное содержаніе черезъ вѣру помимо разума — это все равно, что попытки питать человѣка помимо рта». Полагаю, что логика фактовъ есть именно логика разума. Поэтому вопросы о жизни или смерти должны изучаться и рѣшаться не на основаніи буквы, которая измѣнчива и искажаема, а на основаніи откровеній природы, которыя незыблемы и вѣчны. Понятно, что въ основѣ этихъ вопросовъ лежатъ явленія, наблюдаемые надъ самимъ человѣкомъ. Жизнь остается одинаковой загадкой; но часть ея явленій легко доступна, другая — менѣе; дѣло только въ томъ, чтобы не брать ихъ на